

В последнее время наряду с общими и частными исследованиями тех или иных периодов и аспектов византийской цивилизации появляется все больше работ качественно иного типа, по преимуществу тематических справочников и синтетических энциклопедий, претендующих на систематизацию разнообразнейшего материала, относящегося к очень широкому кругу вопросов истории Византии и сопредельных стран. С одной стороны, задача подобных изданий – как можно более широкий охват предлагаемого материала, с другой, подобная работа по силам лишь большому исследовательскому коллективу. Отсюда возникает закономерная проблема выработки единого подхода к систематизации разнообразных по тематике данных и принципа расположения их в рамках издания.

Известны работы по просопографии византийской аристократии, столичной и провинциальной администрации, основанные как на нарративных (А.П. Каждан), так и на сфрагистических источниках (Ж. Лоран, Н. Икономидис, В. Зайбт, Ж.-Кл.Шене), по географии Византийской империи (издающаяся в Вене серия *Tabula Imperii Byzantini*), работы синтетического плана, типа известного трехтомного словаря А.П. Каждана.

В этой связи представляет интерес и первый том рецензируемого издания. В рамках предполагаемых десяти томов авторский коллектив, возглавляемый А. Саввидисом, предлагает просопографический материал широчайших хронологических рамок – по всей истории Византии (395–1453) и географических – просопографию сопредельных государств, а также государств, существовавших в данную эпоху в средиземноморском бассейне и имевших какие-либо контакты с Византией: экономические, политические, культурные. В результате содержание работы много шире названия, поскольку кроме собственно византийских персонажей здесь в большом числе представлены лица, имевшие лишь косвенное отношение к культуре империи, например, Аверроэс, Авиценна, историки Азими и Альберт Ахенский, и к ее истории как на востоке – Аббасиды, Англотиды, Фатимиды, Айюбиды, так и на западе – остготские, вестготские короли, Ка-

ролинги, лангобардские короли Италии (Адальберт), а также правящие династии Священной Римской империи (Саксонская, Штауфены, Люксембурги, Габсбурги). При этом дается не только хронология правления династий в целом, но в отдельные леммы вынесены наиболее известные их представители (Айюбд аль Адил – с. 115–116).

Естественно, что в Лексиконе представлена знать Латинской империи (д'Ангиены Аргоса и Навплиона), а также отдельные выходцы с Запада, имевшие прямое (Анна-Агнесса Французская) или косвенное (Катрин де Куртенэ, титулярная императрица Константинополя, и ее дочь Катрин Валуа, Екатерина Корнаро, королева Кипра) отношение к истории Византии. При этом в тех случаях, когда латинские правители того или иного центра Греции не были связаны родством (например герцоги Афинские) приводится их перечень именно как Афинских герцогов, т.е. за основу берется не генеалогический, а географический принцип размещения леммы в справочнике. Это не совсем удобно для читателя, но в данном случае оправдано необходимостью как можно более полного привлечения материала.

Из собственно византийских фамилий различного происхождения в Лексиконе фигурируют Ааронии, Агиохристофориты, Ангелы, Агиостефаниты, Агиофеодориты, Алакасы и др. Обычно в лемме даны сведения о происхождении данного рода, перечислены его члены, в тех случаях, когда это представляется возможным, дан их *cursus honorum*. В то же время в том случае, когда информация о каком-либо из представителей фамилии достаточно репрезентативна, то он выносится в отдельную лемму с преномом и родовым именем либо характеризуется в рамках леммы, выделенной по родам (Ангелы). В том случае, если имена совпадают, а родовые имена не известны, составители приводят по возможности все омонимы. Так, в лемме “Адриан” названы пять человек, известных с VIII по XIII в. (с. 117–120). Расписаны все представители знатного рода Азциев, а также Азции, не имевшие к нему отношения. Варварские короли упомянуты под преномами – Атанарих и Афанагисдос. Но было бы желательно приводить их име-

на в латинской транскрипции (ибо греческая вторична), что делалось ранее для д'Авгие-нов и ниже для Альберта Ахенского или для Альдобрандини (с. 207).

При имени Афанасий названы два патриарха Константинополя и четыре патриарха Александрии, четыре патриарха Иерусалима, один православный и девять яковитских патриархов Антиохии, епископы Опунта, Афин, Коринфа и др. В леммах "Александр" перечислены римские папы, патриархи Александрии и Константинополя, многочисленные епископы.

Как отмечалось выше, по иному принципу выделены леммы "Афинские герцоги" (с. 154–155), эмиры Айдына (с. 158–161, хотя нужно добавить, что "Айдын" в форме "Айдыноглу" было и названием рода, принадлежащего, однако, не Джунейду). В Лексиконе учтены как мученики и святые, например Екатерина Александрийская и св. Александра, так и лица негреческого происхождения, связанный родством с правящими родами Византии, например Екатерина Болгарская, жена Исаака Комнина (с. 163–165, хотя, возможно, в одном из последующих томов она будет включена в лемму "Владиславици"»), Екатерина Гаттилузи, жена деспота Морей Константина Палеолога, и Екатерина Закарриа-Асенина, жена деспота Морей Фомы Палеолога.

Не совсем ясно, почему в лемме "Акриты" перечислены разные родовые имена (с. 184). То, что в различные периоды истории Византии по этой службе могли иметь прозвище разные семьи, вполне возможно, но включение сюда Дигениса Акрита вряд ли правомерно. Это образ более литературный, нежели исторический персонаж.

Представляется не совсем корректным называть болгарского царя Ивана Александра Александром Ивановым и помещать его среди Александров (с. 214–215). Существует определенная болгарская традиция, которой и желательно придерживаться. Почему-то отсутствуют цари Авасгии – Абазгии (Abasgia), имеющие прямое отношение к истории Византии и предшествующие Багратионы Грузии-Иверии. Остается ждать включения их в леммы в качестве царей Колхиды или, что вероятнее, Лазики (Lazikh), хотя это и неоправданно.

В Лексиконе фигурируют как Александры – царь Грузии Александр Великий (1412–1442), господа Молдавии и Валахии,

и как Алексии – Алексей I и II Комнины, а также четыре Псевдо-Алексея Комнина, Алексеи III–IV Ангелы, Алексей V Мурзуфул, Алексеи I – V Великие Комнины Трапезунда. Множество Алексеев названо, но информация о них перенесена в соответствующие леммы при родовых именах – Касяны, Комнины (еще не императорская фамилия, но род в XI в.), Стратигопулы и др.

Было бы желательно четко определять фамилии арабского происхождения (например, Муззафары – с. 266–267). Среди "Аарониев" отсутствует Иоанн /Аарон¹, нет указания на статью В.С. Шандровской с *cursus* hophotum Аарона Болгарина². Нет Анны Комнины Ангелины Дукини, жены Гийома Виллардуэна (см. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. Далее: PLP N 1000).

Статьи Лексикона неравнозначны по качеству (примеры этого применительно к Византии XIV–XV вв. подобраны ниже Х.-Ф. Байером).

В задачу рецензии не входит критика статьи об Авиценне (Ибн Сине, 980–1037) К. Мегаломматиса (с. 58–60), по мнению которого отец философа был членом секты Ассасинов (секты, которая появилась, согласно работам востоковедов, только во второй половине XI в.): "Вопреки повторяющимся арестам"... "он не отказался от того", чтобы..." "быть приверженцем радикальных шиитских взглядов". Иной взгляд на Ибн Сину состоит в том, что, по мнению известной немецкой исследовательницы А. Шиммель, исламские ортодоксы до сих пор не признают его как мыслителя из-за его рационализма. «Разумеется, – пишет Мегаломматис, – что в своей "Физике" он более... передовой философ, чем Стагирит», но это отнюдь не очевидно при сравнении его с византийским консерватизмом. Мнение автора о том, что различие *existentia* и *essentia*, которое Фома Аквинский заимствовал у Авиценны, не относится к Аристотелю, кажется правильным. Авиценна мало повлиял на византийцев, но отметим, что Плифон, напротив, благожелательно упоминает его в отличие от Аверроэса.

В статье о Аверроэсе (Ибн Рошд – с. 54–57) К. Мегаломматис отрицает оригинальность этого восточного философа. Больше интересуясь внешними событиями его жизни, он все-таки намекает на то, что философ столкнулся не только с исламскими средними веками (аль-Газали), но (через

¹ См.: *Jordanov I. Le molybdobulle du vestes Jean Aaron // Palaeobolgarica*. 1990. 14.1. С. 106–110.

² Сообщения Государственного Эрмитажа. 1973. Вып. 37. С. 60–64.

свои переведенные на латинский язык сочинения) также и с епископами Оксфорда, Кентерберии и Парижа.

Формулировки автора иногда очень неточны. Так, Мегаломматис упоминает полемику Аверроэса “Тахафут аль тахафут” (по переводу Трахтенберга “Опровержение опровержения”, Философская энциклопедия, т. 2, с. 191); по Мегаломматису – это “Суэта суэт”, причем он полагает, что Аверроэс цитировал Соломона (Еккл. 1,2), но не сообщает, что его сочинение было направлено против “мистика и реакционера” (Трахтенберг) аль-Газали. Иногда подобная неточность принимает и забавные формы. (Смотри, например, фразу об Авиценне: “Обстоятельства, неблагоприятные для исмаилитского фронта, принудили Авиценну быть постоянно под паром” – с. 59). Можно констатировать, что хотя Лексикон не всегда строго научен, но по меньшей мере стиль изложения материала местами является очень живым и непосредственным.

Хорошо написана статья Стелія Ламбакиса о Феодоре Агалиане (с. 74 и сл.). Несмотря на некоторые библиографические дополнения, она, однако, в основном содержит не больше информации, чем упоминаемая им статья № 94 PLP от 1976 г., написанная Э. Траппом. То же можно сказать и о статье об исихасте Каллисте Ангеликуде (с. 81 сл.), но Ламбакис несколько лучше использует источники о нем, чем вышеназванный автор статьи в PLP № 145.

Ни один источник не сообщает, что государства Ангелов, Эпир и Фессалия, находились “сначала под греческим и затем под сербским протекторатом”, как утверждает издатель Лексикона А. Саввидис (с. 83), хотя их греческие правители выступали неоднократно противниками никейских императоров и их преемников – Михаила VIII и Андроника II Палеологов (Эпир: PLP № 220: Михаил II, № 91042: Никифор I; Фессалия: № 208: Иоанн I, № 195: Феодор, севастократор). Некий Иоанн Ангел (№ 204), родственник Иоанна Кантакузина, был наместником Фессалии до 1348 г.

Совсем необоснованно утверждение Саввидиса об Ангелах как “династии Эпира” “до османского завоевания в 1479 г.” Его таблица правителей Эпира, Фессалоники и Фессалии (с. 85) в своей второй половине полна ошибок. Исправим их: Эпиром в 1335–1356 гг. номинально правил Никифор II Орсини Ангел (PLP № 222, ср. и № 16885, ему было в 1335 г. около семи лет); около 1350–1356 гг. здесь правил Симеон Урош

(PLP № 21185), сводный брат Стефана Душана и супруг Фомаиды, сестры Никифора II. В 1356–1359 гг. правил Никифор II (его убийство албанцами в Арте означало конец византийского правления Эпиром). В 1359–1365/66 гг. в Эпире преобладали албанцы, а именно Петр Лиоша (№ 14983), правитель Арты с 1359/60 по 1373/74 г., когда ему наследовал Гин Спата (№ 26523). С 1366/67 по 1383 г. (а не по 1384 г., как кажется, см. № 30141) серб Фома Прелюбович (№ 23721), супруг Марии Палеологины Ангелины Комнины Дукини (№ 21393), дочери Симеона и Фомаиды, был правителем Янины. После его убийства в 1383/1384 (?) г. Мария с ее благочестивым братом Иоанном Урошом (он же монах Иоасаф), правила городом и его областью. Примерно в 1385–1411 гг. Эпиром (Яниной) правил Эсау дей Буондельмонти Аччайиуоли (№ 8147), который сначала женился на Марии, в 1396 г. – на Ирине Спате и в 1402 г. – на Евдокии Балчи. С кончиной Марии, дочери Симеона Уроша, внучки византийской принцессы и по линии матери праправнучки предпоследнего деспота Эпира по мужской линии Ангелов, исчезла в 1394 г. и последняя капля крови Ангелов у деспотов Эпира.

Буондельмонти всецело зависел уже от Османов. Через двадцать дней после его смерти в 1411 г. его сербская жена была изгнана из Янины вместе с сыновьями. В том же году янинцы передали город племяннику Буондельмонти, сильному правителю Кефалонии Карло I Токко (PLP № 29004, статьи о Токко написаны покойным молодым коллегой С. Капланерисом), который правил Эпиром до своей смерти в 1429 г., отвоевав в 1416 г. у албанских Спата и Арту. В 1429–1448 гг. Эпиром правил его племянник Карло Токко II (№ 29005), а уже в 1430 г. он утратил Янину, завоеванную Османами, которым он должен был платить дань с остатка своих владений. Его сын Лионардо III Токко (№ 29007), потерял в 1449 г. Арту и в 1479 г. утратил последние эпирские владения.

Что касается правителей Фессалии, то ею правили: Симеон Урош – ок. 1350–1356 гг. (с наместником Прелюбом в 1348/49–1355/56 гг.) и после правления брата своей жены Никифора II Орсини Ангела вновь в 1359–1371 гг., с 1372 гг. – его сын Иоанн (Иоасаф), который отказался от власти в пользу Алексея Филантропина Ангела, женатого на сербке (№ 29750). Через последнего Фессалия формально вернулась под византийскую власть. В 1389 г. он должен был по-

сетить вместе с деспотом Янины султана Баязида I. Его преемником в 1392/94 г., был Мануил Филантропин Ангел (№ 29771). Эта семья Филантропинов Ангелов имела хорошие отношения с Османами до и после 1403 г., в котором султан Сулейман Челеби (№ 26323) вернул византийцам все их владения от Стримона до Зитуния (Ламии). Через сына (?) Михаила (№ 19150) Мануил был дедом (?) великого везира Махмут паши (№ 17538), который увенчал свою карьеру в 1470 г. завоеванием Евбеи, и великого воеводы сербов Михаила Ангеловича (№ 19154), также друга Османов. Брат Иоанна-Иоасафа Уроша Стефан (№ 26766), будучи менее гибким политиком, потерял свое владение Домокос, завоеванное в 1393 г. турками.

Р. Радич в своей статье о константинопольском патриархе Афанасии дает общее описание жизни и деятельности этой яркой личности. Явных ошибок здесь нет. В статье Байера 1976 г. (PLP № 415), в которой он связал данные из его Жития со сведениями Пахимера, еще не использовав издание его писем А. Тэлбот (Talbot), содержится больше биографических сведений. О социальной стороне его деятельности в первые годы XIV в., за которую Афанасия хвалят даже исследователи, негативно оценивавшие его деятельность в целом, у Радича не идет и речи. Важно было бы отметить крайний антиинтеллектуализм Афанасия, расцветший после него вновь в деятельности паламитов, которые ссылались на него, и указать на антиеврейскую и антиармянскую направленность его деятельности во время его второго патриаршества (в частности, попытки выселить еврейскую и армянскую общины из Константинополя).

Из статьи Ст. Ламбакиса об Афанасии II Александрийском (с. 139 и сл.) мы узнаем немного меньше, чем из посвященной ему же статьи Баяра в PLP № 413. Об очевидном интересе к этому лицу свидетельствует подробная статья Ст. Музакиса, инженера по профессии, об Афанасии Афоните, основателе Лавры на Афоне (с. 144–148). Однако она содержит некоторые ошибки. Афанасий не стал духовным наставником Льва Фоки, брата Никифора, но скрывался от него. Инициатива основания монашеского общежития на Афоне исходила не от Афанасия, а от Никифора II. Даже тогда, когда последний через Мефодия послал Афанасию деньги для основания обители, тот еще не соглашался с его планами. При бегстве с Афона после прихода Никифора к власти Афанасий достиг только Кипра, а не Палестины.

В библиографии не упоминаются ни критическое издание житий Афанасия Жаком Норэ (Noret) 1982 г., ни работы П. Лемерля и Дионисии Папахрисанфу в “Actes de Laura I” и в “Actes du Prôtaton”. Отсутствует и ссылка на благочестивую и хорошо написанную греческую книгу Никодимоса Неоскитиотиса Билалиса о жизни Афанасия.

Статья об Афанасии, основателе монастыря Богородицы в Метеорах (с. 151 и сл.), написана совместно Р. Радичем и А. Саввидисом. Здесь учтена литература, изданная после 1976 г., даты написания статьи Байера о нем – № 359 в PLP. В статье упоминается Григорий Синаит как духовный образец Афанасия и Григорий “Политис” как его духовный отец. Имя “Политис” основывается на неправильной транскрипции прозвища “Стилитис” в издании жития Афанасия Вейсом. Этот Григорий жил определенное время на “Стилосе”, одной из скал Метеор (см. PLP № 91732). Авторы статьи смешивают эти данные и предполагают путешествие Афанасия в Константинополь, где он “познакомился со стилитом Григорием Синаитом” (!). Но монахи Метеор не отличались особенным паламизмом.

Довольно неясной и отчасти ошибочной является статья Евы Маламоглу об эмирате Айдын (с. 158–161). Утверждение, что историки связывают расширение и укрепление его с равнодушным Михаилом VIII к судьбам Малой Азии, вводит в заблуждение, потому что с 1308 г. как союзник каталанцев и как первый деятель Айдына известен только будущий его эмир Мехмед Айдыноглу (PLP № 462). Мехмед осаждал Филадельфию и завоевал Смирну. Враг византийцев умер в 1334 г. Его преемником был не Умур, а Хетир (Хизир) (ср. аналогичную ошибку Байера в PLP № 21059, исправленную Траппом № 30795). Более могущественным правителем, однако, был Умур, бей Смирны. Отношения его с Андроником III и Кантакузином с 1335 г. в основном были хорошими, с Кантакузином даже дружескими. В 1342/43–1345 гг. он помог ему, предприняв два похода во Фракию против центральной власти. Его присутствие нанесло ущерб Фракии, будучи эпизодом гражданской войны. Но Умур, в отличие от поздних союзников Кантакузина, Османов, ничего не сделал в ущерб византийскому императору. Он дважды добровольно возвращался в Малую Азию. Осада им Филадельфии в 1348 г., незадолго до его гибели в Смирне от стрелы латиняна, была, кажется, его единственным

после 1335 г. враждебным актом в отношении Византии. Возможно, флот который угрожал Лесбосу в 1336/37 г., был отправлен именно им, но правитель острова Алексей Филантропий договорился с противниками (PLP № 29752).

Статья Никоса Николудиса о Фоме Аквинском (с. 180–182) выгодно отличается от статьи в PLP № 7795, отражающей полную незаинтересованность автора (Трапп) в философско-богословских проблемах (все же нужна была бы ссылка на нее из-за перечисленных там греческих источников, в которых упоминается Аквинат). Она содержит то, чего и ждет читатель от греческого Лексикона в хорошем смысле слова – описания главных идей и ссылку на тех византийцев, на которых философ влиял, и тех, кто противодействовал его учениям.

Статья Евы Маломоглу о Григории Акиндине (с. 182 и сл.) кажется лучше продуманной, чем ее статья об эмирате Айдын. Даты жизни Григория (с. 1290 – после 1351 г.) возможны, но не доказаны. Часть богословских сочинений Акиндина недавно была опубликована Ж. Надаль Канеллас (*Nadal J. Canellas. Gregorii Acindyni Refutationes duae // Corpus Christianorum. Series Graeca 31. Turnhout 1995*). О вероятной смерти Акиндина уже до мая 1348 г. см. там с. XIV с примеч. 7).

Отсутствие строго научного подхода к освещению проблемы демонстрирует А. Саввидис также о своей статье о Георгии Акрополите (с. 193–195) с ошибочными подробностями сведений о жизни этого византийского политика и ученого. Это явствует из сравнения со статьей Траппа в PLP № 518, отличающейся точностью и краткостью, типичной для автора большинства статей PLP, и для статьи Байера о Мануиле Оловоле № 21047.

Статья Никоса Николудиса об Алмогавах (Каталанской компании) в отличие от его статьи о Фоме свидетельствует о несколько ограниченном взгляде автора на историю. Ни одного слова о том, что причина грабежей до убийства Рожера де Флора заключалась в том, что византийцы не платили своим наемникам. Не ясно, в каком источнике автор почерпнул информацию о том, что каталанцы ограбили и Филадельфию после освобождения города от турецкой осады. Слабый император Андроник II в 1304 г. отозвал имевшего успех в Малой Азии каталанского полководца, чтобы он воевал против болгар, очевидно, потому, что его собственный сын Михаил IX был столь неспособным военачальником, что не

смог сделать этого, хотя государству в то время не только не угрожали турки, но оно помирилось и с чрезвычайно опасными сербами. Почти все политические и военные ошибки этого времени объясняются приверженностью к роскоши и бездеятельностью двора. Каталанский хронист Мунтанер (гл. 203) сообщает, что константинопольцы, несмотря на свое богатство, даже не кормили беглецов из Анатолии. С этой точки зрения лишь деятельность патриарха Афанасия была похвальным исключением. Что касается каталанцев, то можно сослаться на хорошо продуманную статью покойного С. Каппанериса о Рожере де Флоре (PLP № 24386), хотя и здесь, сотрудничая с коллективом исследователей Австрийской Академии наук, он также не отказался от легитимной греческой точки зрения на события.

Не отвергая самой идеи включения в проопографический Лексикон также эпических акритов в том виде, в котором они выступают в народных песнях и в знаменитом эпосе, следует полагать, что эта попытка не может быть плодотворной без четкого определения методологии использования подобных преданий в качестве исторических источников. Отождествления героев песен с историческими деятелями (особенно для IX–XI вв., а тем более для эпохи Юстиниана I), сделанные Манолисом Варвунисом (с. 184–190), со ссылками на А. Грегуара, предельно сомнительны. Важнее этих построений представляется образ мышления, который отображается в этой поэзии, а именно: критика императоров, отсутствие христианской веротерпимости, так повредившей в конечном счете самой Византийской империи, рассказ о греческом герое, который наказывает вора по-мусульмански, отрезая ему руку (с. 185), о воюющих и мирящихся друг с другом воинах и мечта о сильном герое с императорскими атрибутами, который объединяет акритов и апелатов, наиболее ярко выступающая в эпизоде эпоса о похоронах двоеродного Дигениса в порфириновом саркофаге, вокруг которого собираются друг и враг. Умонастроение акритов, этих обычно неизвестных людей, является не менее интересным, чем воззрения константинопольских идеологов императорской власти.

Мы рассмотрели только часть статей-лемм Лексикона. Не все они равноценны. Можно констатировать как очевидные успехи, так и столь же очевидные неудачи рецензируемого тома, а именно: отсутствие единого подхода к объекту исследования,

различный научный уровень включенных в него лемм.

Возможно, в ходе создания последующих томов молодой коллектив приобретет определенный опыт и будет более строго относиться к отбору включаемого в них материала. Предельно велика здесь роль редактора. В конечном счете он создает авторский коллектив, компанует написанное, по возможности формирует единый подход к включаемому в Лексикон материалу, определяет и научный уровень издания.

Но и в данном состоянии рецензируемый том Лексикона представляет собой определенный интерес в качестве просопографического справочника по широкому кругу лиц, связанных с историей и культурой Византии. Данный том было бы желательнее переиздать со многими исправлениями и добавлениями. Был бы желателен и испанский сотрудник для написания статьи о Алмогавах. О турецком же сотруднике можно только мечтать...

В.П. Степаненко, Х.-Ф. Байер

PLP: Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit

Завершено многотомное издание возглавляемой Г. Хунгером Комиссии по византистике Австрийской АН "Просопографического лексикона Палеологовского времени". Проект осуществлен Э. Траппом при участии Р. Вальтера, Г.-Ф. Байера, К. Штурм-Шнабля, И. Леонтиадиса, С. Капланериса. В подготовке отдельных томов принимали участие также В. Зайбт, М. Валк, Э. Кислингер, А. Нейхольд и др. Первые выпуски Лексикона уже рецензировались на страницах "Византийского временника"¹ и заслуженно получили высокие оценки. Все издание включает в себя 12 томов самого Лексикона², несколько fasciкулов дополнений³, а также генеральный индекс сокращений источников с указателями имен, терминов, лексем⁴. Издание всего проекта заняло два десятилетия, и настала пора поздравить его исполнителей как с завершением многолетнего труда, так и с отличными результатами.

Итак, в фундаментальном своде доскональнейшим образом представлены досье на более чем 35 тыс. персоналий. Каждый из упоминаемых в источниках человек описан в этом досье с максимальной полной информацией, сохраненной о нем в текстах –

нарративных и актовых, рукописных и эпиграфических, на печатях, граффити и т.д. Приводятся данные *cursus honorum*, хронология жизни и деятельности, упоминания современников; указаны источники свидетельств, наконец, в леммах Лексикона обсуждаются просопографические, генеалогические, хронологические, ономастические проблемы, связанные с описываемым лицом. Хотя основные принципы обработки информации сохранялись, с течением времени издание совершенствовалось – прежде всего технически. По мере продвижения работы все увеличивалось число привлекаемых текстов источников, их публикаций, ссылок на них, так что представленный в завершающем томе-регистре список источников занимает 70 страниц *in folio* и можно считать практически исчерпывающим.

Наибольшее количество лемм Лексикона приходится на семьи Ангелов, Апокавков, Аргиропулов, Вранов, Гавалов, Гавров, Кавасилов, Кантакузинов, Комнинов, Ласкарей, Ксантопулов, Палеологов, Хумнов и др. Для славистов интересно, что среди личных имен (прозвищ?) в Палеологовской Византии встречались и славянские. Более 40 лемм непосредственно свя-

¹ ВВ. 1978. Т. 39. С. 273–276; 1981. Т. 42. С. 233–234.

² Prosopographisch hes Lexikon der Palaiologenzeit (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik / Hrg.v.H. Hunger. Bd. I/1–12). 5. Fasz. / Erst.v.E. Trapp, Mit. R. Walther, H.-V. Beyer. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. 231 S.; 6. Fasz. / Erst.v.E. Trapp, Mit.H.-V. Beyer, K. Sturm-Schnabl. 1983, 224 S.; 7. Fasz. / Erst.v.E. Trapp, Mit.H.-V. Beyer. 1985, 234 S.; Fasz. 9 / Erst.v.E. Trapp, Mit. H.-V. Beyer, S. Kaplaneres. 1989, 216 S.; Fasz. 12 / Erst.v.E. Trapp, Mit.H.-V. Beyer, I.G. Leontiades, S. Kaplaneres. 1994, 267 S. (других томов не получено).

³ Addenda / Erst.v.E. Trapp, Mit.R. Walter, H.-V. Beyer. 1981. 34 S. + Register; Addenda zu Fasz. 1–12. Erst.v.E. Trapp, H.-V. Beyer, I.G. Leontiades. 1995. 140 S.

⁴ Abkürzungsverzeichnis und Register zum PLP 1.–6. Fasz. u. Add. 1983. 231 S.; Abkürzungsverzeichnis und Gesamtregister / Erst.v.E. Trapp, Bearb.H.-V. Beyer, 1996. 593 S.